

Соболева Марина Юрьевна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет права
Россия, Москва
Soboleva Marina Yuryevna
National Research University
Higher School of Economics
Faculty of Law
Russia, Moscow

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ

Аннотация: Дискуссия о сущности стандартов доказывания и о необходимости их применения в России постепенно принимает особенную остроту. Это связано с тем, что для российской правовой культуры употребление термина «стандарт доказывания» не характерно. Однако последние несколько лет Верховный суд Российской Федерации активно способствует развитию этого института, к сожалению, в большинстве случаев, не разъясняя его содержания. Данная статья посвящена анализу этих проблем, основанному на исследовании законодательства, судебной практики, доктрины в области существующих в российской правовой действительности стандартов доказывания.

Работа подготовлена с использованием системы КонсультантПлюс.

Ключевые слова: стандарт доказывания, ясные и убедительные доказательства, вне разумных сомнений, общегражданский стандарт.

STANDARDS OF PROOF IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: In recent years, there has been an increasing considerable and at times fierce debate about the standard of proof in Russian civil litigation. However, as any issue of evidence, the issue of the standard of proof in civil cases oftentimes may lead

to misunderstandings, emanating from the lack of sufficient investigation of the different legal systems. This paper seeks to remedy these problems by an analyzing of legislation, court practice, doctrine related to standards of proof in the Russian Federation.

Key words: standard of proof, clear and convincing evidence, beyond reasonable doubt, civil standard.

Последние несколько лет тема стандартов доказывания является широко обсуждаемой среди российской юридической общественности. Поднимается вопрос о необходимости внедрения данного института в российскую систему права, разъяснения его сущности, как минимум, на уровне судебной практики [24]. Подобные идеи представляются интересными и требующими анализа, т.к. считается, что стандарт доказывания – термин общего права, не нашедший отражение в континентально-европейской правовой системе.

Стоит также отметить, что Верховный суд Российской Федерации активно способствует развитию данного института. С каждым годом увеличивается количество судебных актов, им принятых, где упоминаются стандарты доказывания.

Тенденция обращения к стандартам доказывания наблюдается также и на уровнях арбитражных судов, судов общей юрисдикции. В то же время в большинстве случаев оперирование этим термином происходит некорректно. Так, например, не совсем обоснованной выглядит формулировка: «...исходя из действующего стандарта доказывания...» [9], [10]. Возникают закономерные вопросы: о каком именно действующем стандарте доказывания говорится? Каково его содержание?

Кроме того, несмотря на все возрастающую популярность данной темы, в литературе, особенно отечественной, не так много фундаментальных работ, посвященных сущности стандартов доказывания и анализу проблем, возникающих вследствие использования их на практике. Возможно, это связано с тем, что данный институт видится заимствованием из чуждого правопорядка.

Однако в связи с активным развитием судебной практики в этом направлении, ощущается необходимость и в теоретическом осмыслении.

В настоящее время доказательства оцениваются на основании внутреннего убеждения, которое, должно основываться на «полном, объективном и непосредственном исследовании доказательств» [2, ст. 17., ч. 7 ст. 71.]. Это, в свою очередь, должно отражаться в мотивировочной части решения суда. Анализируя процессуальное законодательство, можно отметить стандартные формулировки. «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств» [2, ч. 1 ст. 67], [1, ч. 1 ст. 71], [3, ч. 1 ст. 84]. «Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности» [2, ч. 3 ст. 67], [1, ч. 2 ст. 71], [3, ч. 2 ст. 84].

Тем не менее, все больше и больше появляется судебных актов, где употребляется термин «стандарт доказывания». Означает ли это, что суды настойчиво пытаются выработать объективные критерии для руководства? Возможно ли говорить, что стандарты доказывания уже вошли в российскую систему права, но только со статусом негласных?

Наиболее часто это понятие встречается в актах арбитражных судов, особенно в делах о банкротстве. Постепенно и в суды общей юрисдикции проникает тенденция по использованию подобной терминологии. Проанализируем, как именно используется данный термин российскими судами, в каком значении и в каком контексте.

Во-первых, стоит отметить, что имеет место большое количество дел, где суды лишь упоминают этот термин при аргументации своих выводов, но без его разъяснения. Например, возложение на административный орган повышенного стандарта доказывания факта несоблюдения установленного законом расстояния лицом, торгующим в розницу табачными изделиями, из действующего законодательства не следует [14]. В данном случае не совсем

ясно, что именно суд понимает под стандартом доказывания и под повышенным стандартом доказывания.

Встречается также следующая формулировка: «Во исполнение положения ст. 12, ст. 149 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд первой инстанции обоснованно применил в отношении требований истца повышенный стандарт доказывания обстоятельств...» [13]. Если обратиться к упомянутым статьям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, то достаточно сложно проследить взаимосвязь. Так, ст. 12 посвящена принципам состязательности и равноправия сторон, а ст. 149 описывает действия, которые необходимо совершить сторонам при подготовке дела к судебному разбирательству. На наш взгляд, даже эксплицитно из этих статей не следует необходимость применения стандарта доказывания.

Также, имеет место ряд дел, где словосочетание «стандарт доказывания» употребляется в значении достаточно далеком от традиционного. Например, в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.12.2018 № Ф03-5590/2018 по делу № А59-4875/2016 под повышенным стандартом доказывания арбитражным судом понимается «обязанность суда проводить более тщательную *проверку обоснованности требований* по сравнению с обычным общеисковым гражданским процессом» [17], [20].

В ряде актов арбитражных судов, где встречается упоминание о повышенном стандарте, из контекста можно сделать вывод, что под ним понимается предоставление большего количества доказательств, чем это имело бы место обычно, в силу ряда причин. Например, в делах о банкротстве, т.к. «затрагиваются права не только сторон сделки, но и иных лиц, в том числе кредиторов должника» [12].

Использование термина «стандарт доказывания» подобно тому, как это демонстрируют два последних упомянутых примера, порождает неопределенность в вопросе: к кому обращен стандарт доказывания, к сторонам или к суду. Возможно, именно с этим связана общая непредсказуемость стандартов доказывания, на существование которой указывает Смола А.А. Так,

нередко сложно понять, какие доказательства необходимо предоставить суду, чтобы «вписаться» в стандарт доказывания [25, с. 140].

Во-вторых, часто встречается следующая формулировка: «исходя из действующего стандарта доказывания обстоятельств» [9], [15]. Здесь аналогично не разъясняется, что именно понимается под стандартом доказывания. Более того, делается указание на действующий стандарт доказывания. Такая формулировка заставляет, по меньшей мере, задуматься над тем, что имеется в виду. Стандарт доказывания не закреплен на законодательном уровне, не выработан судебной практикой, несмотря на то, что в судебных актах неоднократно подчеркивалось, что «стандарты доказывания формирует судебная практика» [18].

Анализируя судебные акты, выявить какой-либо четкий критерий не удастся. Возможно, упоминая действующий стандарт доказывания, суды имеют в виду «стандарт доказывания, применяемый в рядовых гражданско-правовых спорах» [7] или его более привычное название, по какой-то причине не употребляемое судами, «общегражданский стандарт доказывания» [23, с. 149]. Под ним, по идее, должен пониматься баланс вероятностей (перевес доказательств), то есть «версия более вероятна, чем нет». Однако из практики российских судов это не следует. Во-первых, в подавляющем количестве дел никаким образом не разъясняется содержание используемого термина, не объясняется его использование. Во-вторых, если суды и применяют перевес доказательств, то обычно это происходит не совсем корректно, т.к. обращается внимание на количество доказательств [23, с. 109], т.е. в прямом смысле на перевес, а не на их действительную убедительность.

В ряде постановлений арбитражных судов под стандартом доказывания понимается количественное наполнение критериев достаточности, достоверности, допустимости, которое позволяет признать требования обоснованными [11], [19], [22]. Соответственно, можно вывести стандарты допустимости, достоверности и достаточности. Смола А.А. указывает, что возможно объединение их в единый стандарт доказывания, который будет

означать совокупность критериев оценки доказательств для определенной категории дел [25, с. 130].

Стоит также выделить большое количество дел, где для объяснения стандарта доказывания используются формулировки, не характерные в странах общего права (поскольку институт англосаксонского права) для чисто гражданских дел.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.02.2019 № 308-ЭС18-16740 по делу № А32-14248/2016 [8] указывается на необходимость применения более строгого стандарта доказывания с целью исключения любых разумных сомнений в реальности долга в случае аффилированности [21]. Этот же «стандарт» применяется и для включения в реестр требований «неминоритарных акционеров» [16]. Формулировка «исключение разумных сомнений» напоминает стандарт доказывания по уголовным делам в странах общего права, который звучит как «вне разумных сомнений».

Также, в терминологии Верховного суда Российской Федерации в делах о банкротстве уже довольно прочно укоренилось требование о необходимости предоставления «ясных и убедительных доказательств», например, для включения в реестр требований кредиторов.

В Определении Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 указывалось на то, что к неминоритарным акционерам применяется более строгий стандарт доказывания для включения их требований в реестр. Такие акционеры должны не только представить *ясные и убедительные доказательства* наличия и размера задолженности, но и опровергнуть наличие такой задолженности. Эта формулировка напоминает стандарт доказываний, применимый в американском праве, обычно если в деле имеет место квазиуголовное нарушение.

Вообще стоит отметить, что одно из первых упоминаний «высокого стандарта доказывания» имело место в Постановлении Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14 по делу № А41-36402/12. «Возможность конкурсных

кредиторов в деле о банкротстве доказать необоснованность требования другого кредитора, подтвержденного решением третейского суда, обычно объективным образом ограничена, поэтому предъявление к ним *высокого стандарта доказывания* привело бы к неравенству таких кредиторов. При рассмотрении подобных споров конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства *prima facie*, подтвердив существенность сомнений в наличии долга. При этом другой стороне, настаивающей на наличии долга, присужденного третейским судом, не должно составлять затруднений опровергнуть указанные сомнения, поскольку именно она должна обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником» [4]. В дальнейшем эта же позиция была приведена в Определении ВС РФ от 09.10.2015 № 305-КГ15-5805 [5], постепенно укоренившись в терминологии ВС РФ.

Полагаем также уместным упомянуть Определение Коллегии от 24.12.2015 № 309-ЭС15-13162, где было указано на то, что «судами фактически не были учтены положения пунктов 3 и 4 статьи 190 Закона о банкротстве, которые закрепляют для заявителя по делу о банкротстве повышенный стандарт доказывания признаков несостоятельности стратегического предприятия» [6]. Отметим, что стандарт доказывания по своей природе является процессуальным межотраслевым институтом. В упомянутых же статьях закона речь идет об установленных в материальном праве более высоких границах объективных критериев, чем это предписывается в «традиционных» случаях.

В целом анализ судебной практики показал, что термин «стандарт доказывания» преимущественно в делах о банкротстве тесно связывается судами с материальным правом. Полагаем, что это обуславливается тем, что здесь ощущается недостаточность норм материального права. Решения, вынесенные только на основе законодательной базы, кажутся не совсем справедливыми. Стремясь преодолеть эту тенденцию, Верховный суд РФ вынужден искать иные институты, позволяющие принять правовое решение.

Этим институтом стал повышенный стандарт доказывания. Использование судами термина «стандарт доказывания» – ответ на потребность в материальном регулировании.

Таким образом, в судебной практике «удачное» использование этого термина представляется затруднительным. Согласимся с выводом Смолы А.А. о том, что судебными коллегиями ВС РФ термин «стандарт доказывания» используется не как таковой, т.е. не как общее правило, применение которого осуществляется на практике, а как цитирование правовой позиции, ранее озвученной в конкретном деле [25, с. 133]. Впрочем, анализируя практику, представляемую судебными коллегиями Верховного суда РФ, можно отметить некоторую системность. В существующих относительно единообразных решениях судов стандарт доказывания обычно понимается как критерий достаточности доказательств. Для рассмотрения гражданских дел Верховный суд РФ выявил в российском праве следующие стандарты доказывания. Во-первых, это «действующий стандарт доказывания» (он же – «стандарт доказывания, применяемый в рядовых гражданско-правовых спорах»). Во-вторых, повышенный стандарт доказывания – ясные и убедительные доказательства. Наконец, стандарт доказывания, сходный с уголовным – исключение разумных сомнений. Однако подобная иерархия влечет следующую проблему. Непонятно, какое именно наполнение вкладывается в эти термины. Например, стандарт «ясные и убедительные доказательства» – это тот же стандарт доказывания, который применяется американскими судами, или у него другое содержание?

Из анализа судебной практики следует, что стандарт доказывания понимается как критерий достаточности доказательств, а повышенный стандарт доказывания предполагает предоставление большего количества доказательств. Здесь возникает закономерный вопрос: от какой границы следует отмерять? Ответ подразумевает, что отталкиваться следует от общегражданского стандарта. Однако его содержание не разъяснено, и различными судами может

трактоваться по-разному, что влечет общую непредсказуемость стандартов доказывания и непонимание сторонами, какие доказательства предоставлять.

Таким образом, введение стандарта доказывания «баланс вероятностей», возможно, было бы желательно в России. Тем более, что использование этого термина уже не кажется случайностью, и впоследствии его применение будет неуклонно расти.

Это также могло бы быть решением для завышенных и сложившихся «подпольно» стандартов, применяемых для разрешения гражданско-правовых споров. Однако вряд ли подобная реализация возможна в скором времени, т.к. этому препятствует большое количество проблем, существующих в системе оценки доказательств, например, отсутствие работающего механизма истребования доказательств сторонами друг у друга. Сейчас закрепление данного института в законодательстве видится преждевременным. Представляется более важным обсуждение и анализ темы в доктрине, т.к. фактически отсутствует понимание сущности стандартов доказывания, их природы, не анализируются, каким образом они должны применяться и последствия их применения. Кроме того, необходимо совершенствовать законодательство, касающееся увеличения требований к мотивировочной части судебного решения. Суды должны с большей тщательностью анализировать обстоятельства дела, представленные сторонами доказательства и должным образом обосновывать свои выводы. Это бы стало решением ряда существующих проблем, которые, например, связывают с неопределенностью, порождаемую использованием стандарта доказывания, а также одним из этапов на пути к установлению более объективного критерия для оценки доказательств по гражданским делам – балансу вероятностей.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. № 140-141. 27.07.2002.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета. № 49. 11.03.2015.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14 по делу № А41-36402/12 // <https://kad.arbitr.ru/>.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.10.2015 по делу № 305-КГ15-5805 № А41-36402/12// <https://kad.arbitr.ru/>.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2015 по делу № 309-ЭС15-13162 // <https://kad.arbitr.ru/>.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006 // <https://kad.arbitr.ru/>.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.02.2019 № 308-ЭС18-16740 по делу № А32-14248/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>.

9. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.09.2018 по делу № 33-2437/2018 // <http://oblsud.ynao.sudrf.ru/>.

10. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 04.10.2018 по делу № 33-2465/2018 // <http://oblsud.ynao.sudrf.ru/>.

11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.10.2018 № Ф01-4266/2018 по делу № А28-6222/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>.

12. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.10.2018 № Ф01-4570/2018 по делу № А31-6452/2017 // <https://kad.arbitr.ru/>.

13. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 03.10.2018 по делу № 33-17572/2018 // <http://oblsud.svd.sudrf.ru/>.

14. Решение Верховного суда Удмуртской Республики от 07.11.2018 по делу № 7-416/2018 // <http://vs.udm.sudrf.ru/>.

15. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.11.2018 по делу № 33-2939/2018;

16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2018 № 09АП-57707/2018 по делу № А40-79852/17 // <https://kad.arbitr.ru/>.

17. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.12.2018 № Ф03-5590/2018 по делу № А59-4875/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>.

18. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.12.2018 № Ф03-5605/2018 по делу № А24-4281/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>.

19. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.01.2019 № Ф08-11459/2018 по делу № А32-34123/2017 // <https://kad.arbitr.ru/>.

20. Аналогичная формулировка в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.01.2019 № Ф08-12233/2018 по делу № А63-18017/2017 // <https://kad.arbitr.ru/>.

21. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.01.2019 № Ф04-5579/2018 по делу № А70-14709/2017 // <https://kad.arbitr.ru/>.

22. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.02.2019 № Ф09-9477/18 по делу № А07-300/2017 // <https://kad.arbitr.ru/>.

23. Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве, или Дело о пропавшем вкладе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 130-158.

24. Карапетов А.Г. Проблемы доказательственного права: итоги круглого стола от 24 февраля 2014 // Закон.ru [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2014/3/19/problemy_dokazatelstvennogo_prava_itogi_kruglogo_stola_ot_24_fevralya_2014 (Дата обращения 09.08.2019).

25. Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный суд // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 8. С. 129-165.